

ТОВАРИЩ, ВЕРЬ...

К двухсотлетию восстания декабристов

Владимир
ВАСИЛИНЕНКО

«Военные революции быстрее достигают цели, но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются».

И. И. Горбачевский. «Записки»

1

Что в нашей жизни накрепко связывает людей? Родственные чувства, общие желания и вкусы, взаимные интересы, стремления к единой цели, вера в грядущий успех, обоюдные беды и напасти, влияние непреодолимых, всемогущих сил?..

Нашим героям всего этого хватало с избытком. Хотя стоило им задуматься глубоко и

всерьёз, многое оказалось бы весьма обманчивым и приблизительным. Но не станем их за это винить и осуждать — жизнь, как известно, полна неожиданностей...

Кстати, у большинства из них начало их жизни и судеб было вполне благополучным. Будущие декабристы Муравьёвы-Апостолы — Матвей, Сергей, Ипполит — родились и провели детство в богатом, просторном особняке в центре Москвы, на Старой Басманной. Под надзором нянек, кормилиц и гувернёров. Их деды и отцы — члены высшей столичной знати, никогда не знали нужды и утеснений, будучи обласканы верховной властью.

Императрица Екатерина II пригласила Ивана Матвеевича Муравьёва-Апостола (отца

братьев) преподавать своим внукам — Александру и Константину — русскую словесность, историю и философию. К нему был очень расположен и отец наследников — будущий император Павел I. За год до своей гибели он дал Муравьеву звание тайного советника и назначил его вице-президентом Иностранной коллегии...

И всё же это не помешало наставнику принцев примкнуть к заговору ближайших царедворцев, коварно умертвивших его благодетеля. А тайный сговор, при всей его опасности и скрытности, отнюдь не был настолько сокровенным, чтобы о нём не знал никто посторонний...

И дело тут не в болтливости или недомыслии крамольников — сама личность и поступки самодержца вызвали у многих протест и нежелание ему подчиняться. Жители Петербурга — нынешние и ушедшие в небытие, наверняка видели памятник Павлу I в его любимом г. Павловске. Фигура незадачливого, курносого монарха, неудержимо, отважно шагающего вперёд, картинно опираясь на тонкую, жидкую трость, кажется и забавной, и жалкой, и смешной...

Нужно отдать должное автору — скульптору И. Витали — при всей комичности своего героя, похожего на балетный персонаж, он вызывает снисходительную улыбку и невольное сочувствие. Царь похож на бравого Щелкунчика из сказки Гофмана, отважившегося сразиться с мышиным королём и его несметным войском. Как же мог этот маленький, обычный, ничтожный человек стать хозяином необъятной, своеобразной, самой большой в подлунном мире державы?.. И палачи его отнюдь не слыли могучими силачами и грозными чародеями...

Однако они не были и полными ничтожествами. Ближайшее окружение «почившей в бозе» императрицы Екатерины не любило Павла едва ли ни с его детства. Впрочем, и сама царица не жаловала сына, так же как и его покойного отца, благодаря которому она и стала царицей. Между тем трагический, злоумышленный конец её мужа — Петра III открыл ей путь к трону. И тридцать с лишним лет её умелого, достойного, успешного и славного правления пошли только на благо России.

Но времена изменились, и появление на вершине власти чересчур простого, заурядного повелителя, занятого в основном разбором дворцовых интриг, поиском всяческих недоброжелателей и супостатов, измельчило всё вокруг. К сожалению, всё его недолгое, суетное, склочное правление состояло в одном: изо всех сил удержаться у кормила правления, окружив себя ореолом славы и небывалого могущества. Иногда это доходило до курьёзов...

А. С. Пушкин вспоминает семейное предание: нянька Ульяна Яковлевна, гуляя с ним в ближайшем московском парке, неожиданно оказалась на пути небольшого роста офицера, в мундире, ботфортах и треуголке. Был ли он курносый — женщина не заметила. Но приблизившись, он указал пальцем на мальчика: — Сними картуз! (Это был знак безусловного почитания.)

Нянька, не посмеяв ослушаться, мигом обнажила голову ребёнка. А дома мать будущего поэта Надежда Осиповна, недолго думая, пояснила, что их, скорее всего, встретил сам потешный император. Так это было или нет — сказать наверняка невозможно. Александру тогда исполнилось чуть больше года, и вряд ли сам царь, сколь эпатажен и курьёзен он ни был, заставил бы снять с малыша головной убор! Но что-то в его образе жизни и поступках заставляло людей верить чему угодно...

Однако же всем им хотелось надеяться на благополучное будущее. И как можно скорее встретить его приход. А ближайшим советникам государя стало уже не вмоготу. Вице-канцлер Никита Панин, генерал-губернатор Петербурга Пётр Пален, вельможи Зубовы — Николай, Платон и Валериан — возглавили команду бунтовщиков. К тому же — все они были масонами.

Английский посол лорд Чарльз Уитворт, принимавший участие в заговоре, наверняка состоял в масонской ложе, но точных свидетельств этому нет. Самых активных деятелей смуты насчитывалось до четырнадцати душ. И более двух сотен военных и штатских с явным нетерпением ждали конца ненавистного монарха! Но будущих декабристов среди них не было...

Сыновьям Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола — Матвею исполнилось семь лет,

Сергею — четыре года, а Ипполит ещё не родился. Однако их отца, тогдашнего «либерала», вполне можно зачислить в ряды скрытых крамольников. Он не участвовал в убийстве императора, ему хотелось лишь ограничить его сумасбродное правление рамками строгого закона. Верховная власть, по мнению тайного советника, непременно должна сделаться конституционной...

2

Но всё, как это случается всегда и во все времена, произошло неожиданно, сумбурно и кошмарно. Бедного Павла прикончили в Михайловском дворце, в спальне, куда вел тайный боковой вход, в ночь на 12 марта 1801 года. А новым императором стал его сын — Александр I.

Как известно, все заговорщики были масонами, а вот к каким ложам они принадлежали — точно неизвестно. И всё, что касается «вольных каменщиков» — история весьма загадочная, туманная и нескончаемая. Так уж устроено человечество, что всё тайное, неведомое, запретное неудержимо влечёт многих. Согласно общепринятой точке зрения, первые «ложи» появились в Англии на рубеже XVII–XVIII веков. В Россию они проникли позднее, уже при Елизавете Петровне...

В 1740 году британский генерал на русской службе Джеймс Кейт основал несколько лож. Состояли в них в основном англичане. Спустя некоторое время царица (дважды!) решила провести расследование. Видимо, наличие подобных закрытых заведений внушало ей и ближайшему окружению вполне понятную обеспокоенность. Там собирались одни мужчины. Неужто они только ужинали, пили шампанское, веселились, безудержно играли в карты и вели досужую болтовню? Можно ли этому верить?..

Но расследование подтвердило: все эти сходы «непонятны и безрассудны». А так ли было на самом деле?.. Уже при Екатерине Великой количество масонских лож выросло почти до сотни. И в них состояло внушительное число офицеров и просто дворян. А вскоре ложи появились и в других городах. Видимо, в этом появилась нужда...

В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» после дуэли с Долоховым и ссоры с женой его герой Пьер Безухов решил отбыть в Петербург. Добравшись до знаменитого Торжка, он остановился передохнуть на станции. И здесь у него случилась знаменательная встреча. Пожилой сосед по комнате отдыха, тоже поджидавший почтовую карету, вдруг обратился к нему:

«Имею удовольствие говорить с графом Безуховым, если я не ошибаюсь, — сказал проезжающий неторопливо и громко. Пьер молча, вопросительно смотрел через очки на своего собеседника».

Тот даже не представился ему и не счёл нужным пояснить — откуда ему всё известно? Но незамедлительно добавил:

«Я слышал про вас, — продолжал проезжающий, — и про постигшее вас, государь мой, несчастье».

И опять ни слова о том, как он это узнал? Но Безухов охотно ему внимал.

«Он помолчал, не выпуская Пьера из своего взгляда, и подвинулся на диване, приглашая этим жестом Пьера сесть подле себя».

Тот, разумеется, сел.

«Вы несчастливы, государь мой, — продолжил он, — вы молоды, я стар. Я бы желал по мере сил моих помочь вам». Вот так номер! Мало того что незнакомый старикан знает всю подноготную молодого соседа, он ещё готов ему помогать! Интересно бы узнать — в чём?..

«Пьер, взглянув ещё раз на руки нового знакомого ближе, рассмотрел перстень. Он увидел на нём адамову голову, знак масонства.

— Позвольте мне спросить, — сказал он, — вы масон?

— Да, я принадлежу к братству свободных каменщиков, — сказал проезжий, всё глубже вглядываясь в глаза Пьера, — и от себя, и от их имени протягиваю вам братскую руку».

Ничего себе! Едва увидев человека, толком не представившись ему, какой-то таинственный масон сразу предлагает от себя и от своих сподвижников руку. И не простую, а братскую! Героями романа «Война и мир», по замыслу Толстого, должны были стать декабристы...

А большинство из них, особенно руководители — С. Трубецкой, П. Пестель, С. Муравьев-Апостол, Н. Муравьев, К. Рылеев и др. — состояли в масонских ложах, бытовавших уже не

одно десятилетие. Ложа, именуемая «Чисто-сердечие», основана одним из убийц Павла I, генералом от кавалерии, английским подданным Л. Беннингсеном в 1775 году.

Стороннему, равнодушному человеку могло казаться, что это была какая-то безудержная забава или модная блажь власть имущих, желающих найти себе достойное развлечение. Хотя это не так... Недаром Л. Толстой довольно интригующе и подробно описал принятие в ложу одного из главных героев.

Через неделю по приезде в Петербург к Пьеру Безухову явился давний знакомый, молодой польский граф, с которым они часто встречались на светских балах. Неожиданно, соблюдая явную осторожность, убедившись, что рядом нет посторонних ушей, он с ходу предложил Пьеру вступить к ним в братство. И прибавил, что его готовы принять ранее положенного срока. Ведь его рекомендовали очень влиятельные персоны. Но не сказал — кто...

Согласитесь — история прямо детективная! И тем не менее Безухов, не раздумывая, тут же согласился. Происходило это ещё до войны 1812 года. Царь Александр, оказавшись без поддержки своих ближайших соратников — масонов, оставил подле себя М.М.Сперанского. Но тот тоже готовился стать масоном и вступить в ложу «Полярная звезда», а в ней состояли весьма значительные люди. Женою Сперанского была дочь англиканского пастора. Близким помощником его стал Г. Батеньков — масон и будущий декабрист.

Александр, хочешь не хочешь, следовало продолжать когда-то начатые реформы. Они предусматривали всеобщее переустройство всей империи. И без опытных, знающих своё дело помощников тут не обойтись. Но где же их взять? Сперанский предложил царю начать воспитание будущих устроителей государственной власти, именуемых чиновниками, с нижних ступеней вплоть до самого высшего ранга.

И 19 октября 1811 г. открылся знаменитый Царскосельский лицей. При открытии присутствовал сам император Александр.

Первый набор состоял из тридцати лицеистов. Предполагалось, что это будут только дети дворян. Но шестеро из них оказались

«разночинцами», т.е. из обычных семей. Читая лекции и вести занятия должны были восемь профессоров и преподавателей. Одним из них был А.П.Куницын. О нём годы спустя писал А. Пушкин:

*Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...*

На торжестве открытия, в присутствии самого царя, в своей речи Куницын говорил лишь о воле закона и гражданских свободах, и — ни слова о милостях верховной власти и её, сидящем здесь, главе. Юные «первокурсники» — от 9 до 14 лет — мало что поняли, но недоумение, оторопь присутствующих в зале важных гостей они невольно заметили. И ждали отповеди царя...

Но, как ни странно, Александр удовлетворённо улыбался, благосклонно кивая лысеющей головой. И на следующий день прислал Куницыну орден «Святого Владимира». Было это следствием его слабости или лукавства — трудно сказать. А юные лицеисты, сбросив парадные одежды, самозабвенно играли в снежки...

Следует заметить — начало правления Александра очень похоже на финал царствования Бориса Годунова с его известной «смутой». Когда началась вражда и самоуправство бояр, общее нестроение в стране, приход полчищ польских захватчиков. Неужто он об этом помнил и выжидал?

3

А 12 июня (по старому стилю) 1812 года, ранним-ранним утром, ещё до восхода солнца, по трём деревянным мостам, переброшенным через реку Неман, французская армия вторглась на территорию Российской империи. Накануне Наполеон, по своей всегдашней привычке объезжая незнакомый берег, придиричливо осматривал всё вокруг. Свита, следующая за ним на почтительном расстоянии, вдруг увидела нечто странное: лошадь императора внезапно взметнулась на дыбы, а он разом рухнул навзничь! Все бросились к нему...

Наполеон лежал на земле кверху лицом. Но не был ни ранен, ни контужен. Оказывается, в ноги коню сиганул заяц... Такое случалось не однажды и у многих. Пушкин в дневнике писал, что накануне декабрьских событий, будучи в ссылке в своём Михайловском, узнав о готовящемся восстании, он оседлал коня и отправился в Петербург. Но при выезде из села дорогу ему перебежал заяц!.. Дурная примета. Пришлось вернуться. Слава богу, что всё обошлось...

А если бы случилось, как у французского императора? Он мог бы упасть не столь удачно.

Наполеон, как вспоминали все очевидцы, сильно переживал. Конечно, не просто своё неожиданное падение, а именно то, что оно случилось накануне. Мы знаем — чего... Но, вопреки всему, император французам отправился-таки в самое пекло войны, будто предчувствуя, что добром это не закончится...

Его «великая армия», в которой французы составляли лишь половину, а вторую — немцы, итальянцы, австрийцы, поляки, хорваты, испанцы, литовцы, португальцы, благополучно переправившись через Неман, нигде не встречая малейшего сопротивления, упрямо преодолевали бесконечные вёрсты чужой, негостеприимной земли... На следующий день был занят город Ковно, три дня спустя иноземная орда вступила в город Вильно (нынче это Вильнюс). Казалось, о досадном падении с лошади можно забыть...

Царь Александр, узнав о вторжении несметной армии, направил манифест войскам, в котором призывал:

«Не нужно МНЕ напоминать вождям, полководцам и воинам НАШИМ об их долге и храбрости. В них издревле течёт громкая победами кровь славян. ВОИНЫ! Вы защищаете веру, Отечество, свободу! Я с вами!». А завершался он так: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве МОЁМ».

Мы не будем вспоминать все перипетии той войны, которая получила звание Народной и Отечественной. Впервые в нашей истории. Попытаемся проследить за судьбами отдельных героев, которые родились, росли и жили в то непростое знаменательное время...

Сергей Петрович Трубецкой — отпрыск известной княжеской фамилии, родился в Москве в 1790 году. Начальное образование, как все дети вельмож, получил дома. Ему усердно преподавали учителя гимназии, немецкий пастор, английский и французский наставники. И в шестнадцать лет юноша стал вольнослушателем Московского университета. А закончил образование в Париже. И два года спустя, окончательно возмужав, служебную карьеру решил начать в армии. При вступлении получил чин подпрапорщика, потом прапорщика, а с началом войны 1812 г. стал подпоручиком.

Павел Иванович Пестель (Пауль Бурхард) родился в 1793 году в немецкой семье в Петербурге. Его прадед прибыл в Россию при Петре I. Семья была и осталась лютеранской. Её глава возглавлял почтовую службу Российской империи, по заданию тайной полиции умело вскрывая депеши и письма, затем стал генерал-губернатором Сибири. Павел (старший сын) вначале получил домашнее образование, а в двенадцать лет его отправили в Дрезден на выучку к тамошнему профессору Г. Зейделю.

С ним он прошёл гимназический курс и в семнадцать лет вернулся в Петербург. Поступил в Пажеский корпус, сразу в выпускной класс. Диплом ему выдал сам Александр I. А перед началом Отечественной войны Пестеля направили в Литовский лейб-гвардейский полк в чине прапорщика...

Кондратий Фёдорович Рылеев родился в 1795 году (с. Батово Гатчинского уезда, Санкт-Петербургской губернии). Отец — мелкопоместный дворянин, отставной бригадир, неумеренно пьющий, скандалист и тиран. Сын его домашнего образования не получил, но с шести лет был принят в Санкт-Петербургский кадетский корпус. Учёбу закончил в 1814 году. Там же начал писать стихи. А в войне с французами участвовал уже за пределами России...

Сергей Иванович Муравьев-Апостол, как известно, средний сын Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, одного из ближайших вельмож правления Екатерины II и Павла I.

Родился он в 1795 г. во Франции и начал учёбу во французском пансионе, а в 1809 г. семья вернулась в Россию. В пятнадцать лет юношу приняли в недавно открытое Высшее

училище инженеров путей сообщения вместе со старшим братом Матвеем. А первые дни войны 1812 г. он встретил в г. Малоярославце, при главном штабе армии. И первое сражение, в котором ему довелось участвовать, произошло под селом Красным. За него он получил золотую шпагу «за храбрость»...

Матвей Иванович Муравьёв-Апостол (старший брат Сергея) в 1811 г. стал подпрапорщиком лейб-гвардии Семёновского полка. В Отечественной войне участвовал с её начала. За отвагу в Бородинском сражении награждён Георгиевским крестом. Достоин претерпеть все заграничные походы и в 1814 году вернулся в Россию...

Михаил Павлович Бестужев-Рюмин — сын надворного советника. Родился в 1801 г. в селе Кудрёшки Нижегородской губернии. Получил домашнее образование, потом слушал лекции в Московском университете. В 1818 году ему вручили аттестат с оценками «хорошо» и «очень хорошо», что давало право для поступления на гражданскую службу. Но Михаил предпочёл стать военным. Юнкером Кавалергардского полка. В войне 1812 г., естественно, не мог участвовать...

Пётр Григорьевич Каховский — сын обедневшего дворянина. Появился на свет в с. Преображенском Смоленской губернии в 1797 году. Домашнего образования не получил, но стал воспитанником пансиона при Московском университете. Нашествие французов пережил в Москве и в 1816 г. поступил в лейб-гвардейский егерский полк. А через полгода за всякого рода проделки и нарушения по службе разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ...

4

КПьеру Безухову — одному из главных героев романа Л. Толстого «Война и мир», как мы помним, обратился знакомый польский граф с предложением вступить в масонскую ложу. Располагалась она в большом особняке. Поляк — граф Вилларский, провёл его в дом по тёмной лестнице, потом они вошли в небольшую, слабо освещённую прихожую...

Сняли там шубы и проследовали в комнату, где находился человек в странном одеянии.

Вилларский подошёл к нему и что-то тихо сказал по-французски. Тот молча кивнул. Тогда поляк подошёл к небольшому шкафу.

«...Взяв из шкафа платок, Вилларский наложил его на глаза Пьеру и завязал узлом сзади... Потом притянул его к себе, поцеловал и, взяв за руку, повёл куда-то... Проведя его шагов десять за руку, Вилларский остановился.

— Что бы ни случилось с вами, — сказал он, — вы должны с мужеством переносить всё, ежели вы твёрдо решились ступить в наше братство (Пьер утвердительно отвечал наклоном головы)».

И как вам всё это? Да неужели всё произошедшее было случайным и непреднамеренным?! А Пьер тем не менее был готов ко всему. «Когда вы услышите стук в двери, вы развяжете себе глаза, — прибавил Вилларский, — желаю вам мужества и успеха, — и, пожав руку Пьеру, Вилларский вышел».

А дальше началась откровенная мистика. Скрепко завязанными глазами, стоя как манекен и проведя в одиночестве какое-то время, казавшееся Пьеру часами, он наконец услышал громкий стук в дверь. Снял повязку. В комнате было темным-темно, но поодаль стоял большой чёрный стол и на нём лежал человеческий череп, в котором горела лампада...

Пьер подошёл и увидел раскрытое Евангелие. Прочёл первые слова: «В начале бе слово, и слово бе к Богу». Потом взгляд его привлёк открытый ящик, стоявший сбоку. Это был гроб с костями (вероятно, человеческими) ...

Ну и ну! Будь на месте Пьера менее стойкий и отчаянный человек, он наверняка упал бы в обморок либо со всех ног пустился наутёк. Куда он угодил?! В капище колдунов или становище разбойников? Зачем тут череп и кости?! Что всё сие означает?..

Отворилась дверь, и кто-то вошёл. Пьер пригляделся: это был невысокий человек в белом кожаном фартуке и перчатках, шею его украшало ожерелье и высокое, тоже белое, жабо. (Как на известном портрете М.М. Сперанского.)

«Для чего вы пришли сюда? — спросил вошедший, по шороху, сделанному Пьером, обращаясь в его сторону. — Для чего вы, не верующий в истины света и не видящий света,

для чего вы пришли сюда, чего хотите вы от нас? Премудрости, добродетели, просвещения?»

Вот так поворот! Оказывается, здесь сосредоточилось тайное вместилище самых высоких людских устремлений. И только в нём жаждущий истины и света человек может найти понимание и поддержку. Получив от Пьера клятву в том, что он готов искать премудрость и добродетель, человек в белом фартуке — это был «ритор» (масон, готовящий нового члена к вступлению в ложу), сложил руки на груди и сказал:

«Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся исправить и весь человеческий род, предлагая ему в членах наших пример благочестия и добродетели, и тем стараемся всеми силами противоборствовать злу, царствующему в мире».

Будто бы ничего преступного и противозаконного. Совсем наоборот — новообращённому члену не обещают никаких благ и привилегий, он лишь должен следовать примеру своих наставников и быть скромным. Строго повиноваться высшим членам ордена. Свято блюсти его тайны. Стать добронравным. Иметь любовь к человечеству. Крепить в себе мужество. Щедрость. Любовь к смерти. (?)

В какую ложу вступил Пьер Безухов, мы не знаем. Но всё происходило в Петербурге, и там этих лож насчитывались десятки. Ещё до Отечественной войны 1812 года. А после её окончания и нашей блестящей победы в Россию вернулись тысячи бывалых, многое повидавших офицеров. Кроме почётных и заслуженных наград, они привезли с собой модные на Западе идеи...

Один из кумиров юного А. Пушкина, которому он посвятил не одно стихотворение, П. Чаадаев, служа лейб-гусаром и участвуя в той войне, в 1814 году, в Кракове вступил в масонскую ложу. А возвратясь в Петербург, стал членом ложи «Соединённые друзья» в звании «Великого герольда»...

Некоторые из русских офицеров, будучи в Пруссии, она была нашей верной союзницей в той славной войне, сблизились с членами тамошнего «Тугендбунда» («Союз добродетелей»). И масонские ложи расплодилось повсюду. Сергей Петрович Трубецкой достой-

но прошёл всю войну и закончил её в звании полковника. Тогда его грела мысль о том, что «эпоха самостоятельности настала. Оставалось вкушать плодов этого положения».

В 1816 г. он вернулся на родину и вступил в масонскую ложу «Трёх добродетелей». Где она находилась и как происходила сама процедура приёма — это неизвестно. И почему — три добродетели — а не семь, как указывалось Безухову? С остальными можно «погодить» или вообще забыть?

Павел Иванович Пестель закончил войну тоже в чине полковника, участвовал в Бородинском сражении, получив в награду золотую шпагу «За храбрость». А в масонскую ложу «Соединённые друзья» вступил ещё перед войной. (Трубецкой писал, что «он имел пристрастие к формам масонским».) И после её окончания, в 1816 г., перешёл в ложу «Трёх добродетелей».

А проживая в Кишинёве, вступил в ложу «Овидий», куда вступил и А. Пушкин (не в честь ли римского поэта она названа?). Но после событий декабря 1825 года при дотошном обыске у Пестеля нашли описание приёма в шотландскую ложу «Сфинкс» и знаки её высших степеней. Но членство в ней он отрицал. Странная прихоть, не находите? Чего ради полковник вступает то в одну, то в другую тайную организацию? Ради лихой забавы?

Кондратий Фёдорович Рылеев вступил в ложу «Пламенеющая звезда» сразу по приезде в Петербург в 1820 году. В ней состояли пятьдесят два немца и трое русских, он был одним из них. И все разговоры велись по-немецки, а Кондратий Фёдорович немецкий язык знал не слишком хорошо, хотя мать его была немкой (правда, обрусевшей). Пришлось подучиться...

Сергей Иванович Муравьёв-Апостол с началом войны 1812 г. перешёл из инженеров путей сообщения в действующую армию в чине прапорщика. При сражении под Березиной, когда отступающие французы из последних сил яростно отбивались, он показал себя. Потом доблестно сражался за границу в Пруссии и Париже. В Россию вернулся в 1815 г. поручиком лейб-гвардии Семёновского полка. В ложу «Трёх добродетелей» вступил в начале 1817 г.

Его старший брат Матвей Иванович Муравьев-Апостол в 1816 г. вступил в масонскую ложу «Соединённые друзья».

Любопытная картина, не правда ли? Л. Толстой, в описании того, как его героя П. Безухова принимали в неведомую нам ложу (возможно, классик запечатлел собственные переживания. Кстати, он и сам куда-то вступил, но в какую ложу — неизвестно), сообщает о подробностях, которые кажутся чересчур таинственными, возвышенными и абстрактными, а где же бытовые, конкретные, житейские детали? Без них не только читатель, но и адепт, желающий вступить туда, вряд ли что-то примет и поймёт.

Но не спешите. Наш классик скрупулёзно представил картину того, как всё это делалось. Получив от Пьера клятву, что он готов ко всему, ритор вновь, крепко завязав ему глаза, куда-то его повёл. Но не будем утомлять читателей описанием всех нелепых, изощрённых передраг, пережитых героем. С ним проделали массу процедур, должных унижить и деморализовать его. Но Безухов всё претерпел. (Говоря современным языком, он прошёл «Тренинг личностного роста».)

И наконец услышал не один, а с десятков голосов, провозгласивших:

— *Sic transit gloria mundi!.. (Так проходит земная слава!)*

С него сняли повязку, и Пьер увидел длинный стол, покрытый чёрной скатертью, за которым сидели двенадцать мужчин. И это тоже неспроста. Почти как двенадцать апостолов. Кое-кого он узнал. Справа от председателя — довольно молодого человека — сидел аббат-итальянец, которого Безухов не однажды видел в салоне Анны Павловны Шерер (не графиню ли Жеребцову имел в виду Л. Толстой?). Был ещё один важный сановник (уж не М. М. Сперанский?) и швейцарец-гувернёр, служивший в доме у Курагиных (конечно же, Куракиных).

Очень любопытен финал всего происходившего: «Великий мастер предложил исполнить последнюю обязанность, и важный сановник, который носил звание собирателя милостыни, стал обходить братьев. Пьеру хотелось записать в лист милости все деньги, которые у него были, но он боялся этим выказать гордость и записал столько, сколько записывали дру-

гие. Заседание было кончено, и по возвращении домой Пьеру казалось, что он приехал из какого-то дальнего путешествия, где он провёл десятки лет, совершенно изменился и отстал от прежнего порядка и привычек жизни» (?!).

Как вам всё это? Оказывается, на подобных «заседаниях» не только ломали психику ново-явленного «брата», целиком подчиняя его, но и демонстративно опорожняли чужой кошелёк. А простодушие и наивность толстовского героя достойны удивления. Была ли это ложа «Соединённых друзей», «Трёх добродетелей», «Пламенеющая звезда», «Овидий», «Любовь к истине» и т.д., бог весть. Но именно оттуда берут своё начало декабристы.

С. Трубецкой вспоминал: «Масонские формы, введённые в заседаниях и в принятии членов, затрудняли действия общества и вводили какую-то таинственность, которая была противна характерам большей части членов». Однако приходилось терпеть...

5

*Летим — и возвратим народу
Залог блаженства чуждых стран:
Святую праотцев свободу
И древние права граждан.*

Так писал К. Рылеев в своей думе «Дмитрий Донской». Личность её героя и время действия памяты всем русским: и тогда, и сейчас. Князь бился за свободу Руси, громя татаро-монгольских завоевателей. А во время событий 1812 г., как сказали бы наши современники, это было очень актуально. И поэт, помня всё и желая видеть соотечественников свободными, стремился их вдохновить. Но о каких «древних правах граждан» шла речь? И почему они «залог блаженства чуждых стран»? Где и когда были эти «права»?

Рылеев, как известно, застал конец Отечественной войны, участвуя в ней за границей. Воевал в Польше, Саксонии, Баварии, Франции. Наверняка зная, что такое *Liberte, Egalite, Fraternite* (Свобода, Равенство и Братство). А по возвращении на Родину полк, в котором он служил, направили в городок Острогжск Воронежской губернии. Рылеев провёл там

четыре вполне счастливых года. Увидел и восхитился рекою Дон. Писал стихи. (Не там ли сложились первые строки «Дмитрия Донского»?) Сблизился с тамошним помещиком Тевяшёвым, полюбил его дочь и вскоре женился...

В звании подпоручика артиллерии вышел в отставку и переехал в Санкт-Петербург. Был принят на службу заседателем в уголовную палату, а затем вступил в масонскую ложу «Пламенеющая звезда». Хотя большинство его «собратьев» были немцами, Рылеев довольно быстро стал в ней «мастером». Значит, занял высокую ступень. (Но не стал «собирателем милостыни».)

И дела по службе шли у Рылеева довольно успешно. Заседая в суде, будучи честным и смелым, он вёл упорную борьбу со злоупотреблениями и нарушениями, которых хватало с лихвой. И частенько одерживал победы. А пребывание в «Пламенеющей звезде»? Как ему удавалось всё это совмещать? Впрочем, не один К. Рылеев отличался такими способностями.

С. П. Трубецкой, член ложи «Трёх добродетелей», исправно неся военную службу, в том же 1816 году стал одним из основателей «Союза спасения». Произошло это в начале февраля на квартире у братьев Муравьёвых (Матвея и Сергея). Вот что пишет И. Якушкин, тоже бывший там:

«Приехали Александр и Никита Муравьёвы с предложением составить тайное общество, цель которого, по словам Александра, должна была состоять в противодействии немцам, находящимся в русской службе».

Однако идею никто не поддержал. Разгорелся спор. Наконец все пришли к тому, что целью общества должно быть не противоборство с кем-то, а «благо России». На том и порешили.

Но «Союз спасения» не представлял собой чисто масонскую общину, это было — Общество истинных и верных сынов Отечества — так значилось в его уставе. Через год в нём состояло до тридцати членов и среди них П. Пестель, князь И. Долгоруков, великий князь П. Лопухин, князь Ф. Шаховской, Ф. Глинка, И. Пущин (лицейский друг А. Пушкина) и др. По правде говоря, их соединяла не идейная близость, а скорее родственные и дружеские связи...

Но структура организации всё-таки чем-то напоминала масонскую: внизу находились «братья» (т. е. не знавшие целей), выше стояли «мужи» (цели знавшие), а наверху — «бояре» (руководящая верхушка). Но знатоки замечали — это очень напоминало «Тугендбунд» или «Орден иллюминатов»...

И хотя царь не оставлял мысли упразднить крепостное право, однако же и среди членов «Союза спасения» у него не было поддержки. Большинство упорно думало, «что он ищет только личной славы, нежели блага своих подданных». (С. П. Трубецкой.) А когда в начале 1817 г. Александр I спешно уехал в Варшаву, намереваясь оттуда прислать указ об освобождении крестьян, то сразу же пошли слухи, что российский монарх, люто ненавидя и презирая Россию, явно намерен перенести в Польшу столицу империи! И в горячих головах мигом родились нетерпеливые желания устранить его. Как у Пушкина:

*Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи:
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи...
Читал свои нозли Пушкин.
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.*

Беспокойный Никита — Никита Муравьёв, а осторожный Илья — Илья Долгоруков. Иван же Якушкин, по слухам, хотел убить царя не ударом кинжала, а застрелить его из пистолета, когда тот будет выходить из Успенского собора Кремля. И выстрелом из второго пистолета убить себя. Вот такие зрели планы. Но присутствие там Пушкина маловероятно...

Эти шумные дружеские «посиделки» (сейчас они звались бы «тусовками» или «междусобойчиками») вряд ли были чем-то серьёзным. Но существовал устав «Союза спасения», а Никита с Ильёй являлись одними из его авторов. Деятельность же его членов не отличалась особой строгостью и отбором: в основном они вербовали новых «братьев». Вскоре их набралось до двух сотен. И время от времени «мужи» и «бояре» собирались тесным кружком...

Но когда в октябре 1817 г. Александр I возвратился из Варшавы в Москву на празднование Пятилетия победы 1812 года, именно тогда у главных крамольников созрела идея убрать монарха. Точно неизвестно — где и как сходились заговорщики. Возможно, у беспокойного Никиты. Не исключено, что их принимал осторожный Илья.

А Пушкин мог, впрочем, навряд ли, читать:

*Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.*

Но мог читать и что-то покруче:

*Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью я вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы.
Ты ужас мира, стыд природы.
Упрёк ты богу на земле.*

Оду «Вольность» Пушкин написал в 1817 г., то есть в восемнадцать лет. Старик Державин, «сошедший в гроб» и благословивший юного поэта, вряд ли пришёл бы в восторг, прочтя эти строки. Но сказано сильно, хлёстко, образно. А как же смерть детей и жестокая радость при этом?! Чьих детей? Дочерей царя? Как можно это понять и принять? К счастью, Александр I не повторил горькую судьбу своего злосчастного отца. И деспотом он не был. А после его смерти в стихотворении «19 октября» поэт напишет:

*Ура, наш царь! Так выпьем за царя.
Он человек. Им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.*

И честно говоря, неправых гонений почти не было. Сослать самого А. Пушкина вначале на юг, а потом в Михайловское по тогдашним правовым устоям было за что: он не скрывал своего безудержного вольнодумства и бунтар-

ства, не колеблясь, явно бравируя, признавался в атеизме. Словом, подрывал самые основы тогдашнего бытия. А пребывание в своём родовом имении было не столь уж жестоким и тягостным. Это ведь не Камчатка и Магадан! Ведь полицейский надзор за ним осуществляли его родной отец и настоятель Святогорского монастыря...

6

Но после многих споров, раздоров, непримиримых словесных баталий в январе 1818 года «Союз спасения», просуществовав около года, превратился в «Союз благоденствия». Удивительная метаморфоза, не правда ли? Как будто бы спасти стало некого и нечего, а следовало лишь заняться благими делами. Был написан новый устав, но среди его авторов остались знакомые лица: С. Трубецкой, Н. Муравьев, А. Муравьев и др.

Кстати, новый союз имел и второе название — «Общество зелёной книги». Почему зелёной? Устав и основные положения союза записали в сборник, имевший зелёную обложку. Их было два. И главные цели, которые ставили перед собой участники: широкое распространение просвещения, улучшение нравственности молодых людей, занятие гражданских должностей. А цель отдалённая — достичь конституционного правления в государстве и отмены крепостного права. Всякий, вступающий в «Союз», лишь однажды, в минуты приёма, держал «Зелёную книгу» в руках.

Но для прочтения её не выдавали, и большинству принятых даже не было известно о главных целях организации. Опять явный намёк на масонскую ложу, хотя организаторы, возможно, боялись репрессий со стороны власти. Но как известно, сам император Александр и его братья — Константин и Николай читали «Зелёную книгу». Последний это признавал...

А в октябре 1820 г. произошло восстание лейб-гвардии Семёновского полка. По распоряжению ближайшего помощника царя генерала Аракчеева в нём сменили командира — генерала Потёмкина, прошедшего с полком всю войну, очень уважаемого и любимого солдатами.

Новый командир — полковник Шварц всячески унижал подчинённых, подвергал их телесным наказаниям, таскал за усы и бакенбарды, плевал в лицо. Солдаты отказались ему подчиняться. Их посадили в Петропавловскую крепость. Но полк был самым привилегированным — и об этом узнала вся столица.

К. Ф. Рылеев написал адресованную Аракчееву оду «К временщику»:

*Надменный временщик, и подлый, и
коварный,
Монарха хитрый льстец и друг
неблагодарный.
Неистовый тиран страны родной своей,
Взнесённый в важный сан проницательными
злодей...*

Ода увидела свет в журнале «Невский зритель» и была подписана полным именем автора (впервые) вместо инициалов. Её «героя», разумеется, все узнали, а журнал вскоре закрыли. Всех же солдат, строго наказав, раскидали по разным частям. Офицеров штрафного полка, понизив в чинах, определили в действующую армию. Среди них были братья Муравьёвы-Апостолы (Матвей и Сергей), Михаил Бестужев-Рюмин.

Но «Союз благоденствия» в составе около двух сотен членов продолжал существовать и даже расширялся. Кроме Петербурга и Москвы появились управы в провинциальных городах: Кишинёве, Нижнем Новгороде, Тамбове, Полтаве, Тульчине. Во главе «Союза» стояла «Дума» из шести человек и «Коренная управа» из тридцати.

В январе 1821 г. в Москве в усадьбе одного из членов союза М. А. Фонвизина состоялся съезд участников. На «съезд» прибыло всего десять человек, наверняка самых важных. И на первом же заседании весьма уважаемый, известный всей стране генерал, герой войны М. Ф. Орлов предложил создать тайную типографию и фабрику фальшивых денежных купюр! Но его почему-то ни один из делегатов не поддержал и кое-кто даже осудил. Генерал разгневался и тут же решил выйти из «Союза»! Никто не стал его удерживать...

А на следующий день участники пристрастно обсуждали предполагаемую правительствен-

ную слежку, которая за ними велась. Скорее всего, среди членов союза оказались доносчики. С этим все были согласны. Но как их выявить? (А «стукачом» был член Коренной управы М. Грибовский — библиотекарь Гвардейского Генерального штаба, друг Ф. Глинки.)

Не лучше ли распустить «Союз», хотя бы формально, и ненадёжных членов поскорее удалить? Никто не возражал. И тогда был написан новый устав: часть первая, как в «Зелёной книге», а часть вторая — для членов «высшего разряда».

Именно в ней наконец-таки обозначились и главные цели: ограничить самодержавие в России, для чего «задействовать войска и готовить их к перевороту»! Она была написана в четырёх экземплярах и подписана всеми участниками. А те, кому её вручили, должны были разъехаться по своим полкам и тайком рассказать доверенным подчинённым о грядущих событиях.

7

Павел Пестель, будучи членом Коренной управы «Союза благоденствия», на съезде не был. Но узнав о мнимом роспуске Союза, решил создать другой и приступил к задуманному. Решительный, бескомпромиссный, волевой, он почти не сомневался в успехе, зная заранее, что его тщательно продуманные планы не встретят противодействия. Он возьмётся за дело по окончании правительственной командировки в Кишинёв.

И волей случая там же оказался А. Пушкин, отбывая первую ссылку. Они наверняка не случайно встретились. (Не в масонской ли ложе «Овидий»?) Поэт записал в дневнике: «Утро я провёл с Пестелем. Умный человек во всём смысле этого слова». (Масонские ложи будут запрещены в августе 1822 года указом императора, осталось ждать ещё год.)

Через пару недель Пушкину должно было «стукнуть» двадцать два года, а Пестель был шестью годами старше. Спустя два месяца ему исполнилось двадцать восемь. И это имело значение. Но по отзывам знакомых, поэту собеседник «не понравился и, несмотря на его ум, он никогда не смог бы с ним сблизиться».

Более того, на обеде у генерала М. Ф. Орлова, где среди гостей был Пестель, Пушкин задал ему каверзный вопрос: «Не родня ли вы сибирскому злодею?»

Все присутствующие знали, какая дурная слава гуляет об отце полковника, бывшего генерал-губернатором Сибири. Эти язвительные слова могли поэту выйти боком, не исключена была бы и дуэль. Но генерал сумел обратить всё в шутку, обед закончился миром. И в ноябре 1821 г. Пестель был назначен командовать Вятским полком, который располагался под г. Тульчином.

А спустя полгода в Черниговский полк, в трёхстах верстах от Тульчина, были направлены братья Муравьёвы-Апостолы. И вскоре там же оказался М. Бестужев-Рюмин. Ну как тут не создать тайную организацию? В руки Пестеля, казалось, плыла удача!

Дело стало за малым: подготовить свой собственный устав, придумать название нового сообщества, активно привлечь в него отважных, деятельных сотрудников. А формы конспирации и методы вербовки достойных членов его главе — полковнику Пестелю — были не в новинку. Ведь недаром он обошёл столько масонских лож. Не из праздного же любопытства!..

Так в конце 1821 г. возникло «Южное общество». От недавнего «Союза благоденствия» оно отличалось своей решительностью и напором. Главная цель: насильственное изменение образа правления (значит — революция или переворот). Как только число всех сообщников представит собою силу, способную это совершить, — настанет время действовать!

И рукою Пестеля был написан проект постановлений, названных «Русской правдой». Это был прямой, открытый вызов тогдашнему законоуложению — ведь «Русской правдой», как мы помним, именовался свод законов, изданных князем Ярославом Мудрым. Он просуществовал вплоть до XVI века. Многие члены общества поддержали автора, но С. Трубецкой и Н. Муравьёв были откровенно против.

В головах у них появился замысел создать свой союз, назвав его иначе. И не в противовес «Южному», а должному воплотить иные идеи, не столь категоричные и разрушитель-

ные. Но Пестель возражал. Однако согласился поддерживать отношения и обмениваться необходимой информацией. И в конце 1822 г. в Петербурге образовалось «Северное общество», возглавляла его «Верховная дума» из трёх человек.

Вначале это были Н. Муравьёв, Н. Тургенев и Е. Оболенский. Затем их сменили С. Трубецкой, К. Рылеев и А. Одоевский. А все рядовые члены общества делились на «убеждённых» (полноправных) и «согласных» (неполноправных). Станный расклад, не так ли? Убеждённые и полноправные в чём? В несогласии с правящим режимом? А где граница этого убеждения? Непонятно...

А согласные? В чём их согласие? И с кем? С «Верховной думой» или с нынешней властью? Как это понимать? Однако же все прежние установки остались нерушимыми. И почему-то любое объединение или союз по-прежнему никак не могли отойти от привычного, масонского расклада. Что за странная прихоть?

К. Рылеев в думе «Борис Годунов» писал:

*Я мнил: взойду на трон — и реки благ
Пролью с высот его народу.
Лишь одному злодейству буду враг,
Всем дам законную свободу.*

Так, по его мнению, думал Годунов, взойдя на престол. Вероятно, так же мог думать и Александр I после гибели отца. Но вряд ли царь Борис мечтал о подобных вещах: ведь именно его указом было узаконено крепостное право. (24 ноября 1597 г. указ об «Урочных летах».) До этого указа крестьянин мог перейти от одного помещика к другому, теперь это стало невозможным. Отныне все крестьянские семьи оказались в вечной кабале. Где же та «законная свобода»? И могли ли о ней «мнить» оба царя?

Ещё в думе «Дмитрий Донской» Рылеев вспоминал о «святой праотцев свободе и древних правах граждан». И когда же была жива эта пресловутая свобода вкупе с древними правами граждан? Существовали ли они вообще?..

Но, вопреки всему, поэт свято верует, что они были. И его герой Наливайко горько восклицает:

*Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На угнетателей народа.
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?*

Дмитрий Донской бьётся за свободу Руси против татаро-монгольского ига, Наливайко готов отдать жизнь за избавление своих земляков от жестокой кабалы польских панов, а к чему призывает своих сторонников поэт? Какие жертвы они должны принести и за что?..

8

Основав «Южное общество», Павел Пестель, в отличие от «северян», не пытается поделить его членов на разряды. Здесь нет ни «убеждённых», ни «согласных». Видимо, пребывание в масонских ложах разного толка чему-то его научило. Стоит ли создавать из своих сподвижников какие-то «слоёные пироги»? Может ли это помочь делу?..

Его «Русская правда» должна была представлять из себя десять глав, но сохранились только пять: глава первая — «О земельном пространстве», вторая — «О племенах, Россию населяющих», третья — «О сословиях, в России обитающих», четвёртая — «О народе в политическом отношении», пятая — «О народе в гражданском отношении». Ещё пять глав остались неизвестными: то ли навсегда утрачены, то ли надёжно скрыты, то ли вовсе не были написаны. Ведь ожидаемый мятеж, бунт или революция, а без них смена тогдашней власти, по мысли автора, была бы попросту невозможна — должен случиться где-то в будущем. И когда это произойдёт — не мог знать и сам Пестель, вопреки уму и дальновидности...

Но страна после неминуемого свержения монархической власти обязана обратиться в республику. Верховную власть будет представлять «Народное вече» в составе пятисот человек. Исполнительную власть составят пятеро членов сроком на пять лет. А контрольную власть предполагалось избрать пожизненно в составе ста двадцати человек.

Новой же столицей народной республики станет Нижний Новгород, будучи переименованным во Владимир, а старый Владимир назовётся Клязьминым, поскольку стоит на реке Клязьма... А главное — «Русская правда» гарантировала полную отмену крепостного права. Однако в земельном вопросе Пестель всё-таки искал компромиссы.

Отдать всю пахотную землю крестьянам безо всякого выкупа — об этом не могло быть и речи. Вся земля делилась пополам: одна половина переходила в общинную собственность, другая — в частную. А помещичьи угодья могли сдаваться в аренду будущим фермерам.

Вот основные правила, формирующие новое государство: равенство всех граждан перед законом. Избирательное право для всего мужского населения с двадцатилетнего возраста (о женщинах никто и не думал). Свобода слова, печати, вероисповедания, передвижения. Неприкосновенность личности и жилища. Введение нового суда, равного для всех.

Словом, как отметили бы и наши современники, это вполне приемлемое, справедливое законодательство за исключением «земельного вопроса» и дискриминации женщин. Но для того времени и монархической власти это казалось крушением всех основ.

Между тем «Северное общество» было куда умереннее «Южного». По планам его «Верховной думы» Российская империя должна стать конституционной монархией и разделиться на пятнадцать «держав» (областей). Высшая власть в совокупности представляет собой триединство: законодательную, исполнительную и судебную. Во главе стоит «Народное вече» из двух палат — Верховной думы и Палаты народных представителей. В «державных» избираются «державные вече».

Главой исполнительной власти по-прежнему остаётся император, он же Верховный главнокомандующий и «первый государственный чиновник» с самым большим жалованьем и возможностью содержать двор. Крепостное право отменяется, но помещичьи владения остаются за бывшими хозяевами. Крестьяне же получают по две десятины пахотной земли. Но все граждане перед законом равны. И свобода слова, печати, вероисповеданий...

Правда, среди «убеждённых» членов нашлись несогласные — К. Рылеев, А. Бестужев, Е. Оболенский, И. Пущин. Они во многом разделяли положения «Русской правды» П. Пестеля. Особенно упорствовал Рылеев — тогда он уже стоял во главе канцелярии Российско-американской компании и мечтал создать в родной стране республику по образцу Американских Соединённых Штатов. (Между прочим, у него в наличии было десять акций этой компании, занимавшейся пушным промыслом в русских колониях в Америке, а у Александра I их насчитывалось двадцать.)

Помимо всех государственных проблем и забот, у царя «хромала» личная жизнь. Его женили в шестнадцать лет. Избранница — Луиза Мария Августа, дочь маркграфа Баденского — была на два года младше жениха. Ей он наверняка очень нравился — высокий, стройный, голубоглазый блондин — Александр кружил головы очень многим женщинам.

И если учесть, что это был будущий правитель огромной империи — было от чего терять головы! Однако семейная жизнь у юной пары пошла наперекосяк... Как и почему — об этом можно только гадать. И что-то наверняка таилось в переменчивой, нестойкой натуре молодого супруга.

А противоречивые, неустанные и строгие требования его бабки Екатерины и отца Павла с детства надломили его. Ему хотелось угодить и нравиться, если не всем, то многим. Только среди близких и тесного окружения были чересчур разные люди, со взаимоисключающими запросами и характерами. Попробуй приноровись к каждому...

Наполеон говорил, что Александр — хороший актёр, а Пушкин писал: «В противочувствиях привычен, в лице и жизни арлекин». Но благодаря умению держаться и привлекательной внешности он смог очаровать многих. А кое-кто был рад его оправдать и готов им искренне восхищаться. Но с супругой ему не повезло. У них родились лишь две дочери, и обе рано скончались...

Второй его брат — Константин, вздорный, запальчивый, курносый, как их родитель (нос у него был меньше отцовского, не нос, а пипка), ничего, кроме неприязни и антипатии, ни у кого не вызывал. Даже Екатерина II, заботли-

во опекавшая внуков, вряд ли могла что-либо сотворить из него, хотя возлагала на второго наследника немалые надежды. В будущем он, по её мнению, должен был стать императором Византии. И назвали его Константином в честь Константина Великого, главы Восточной Римской империи.

Его венценосная бабка в последний год своей блистательной жизни всё-таки успела женить курьёзного внука так же, как и его послушного брата — в шестнадцать лет — на четырнадцатилетней (конечно, немке) Юлиане Заксен-Кобург-Заальфельдской. И вскоре, к несказанной радости своего сына, злосчастного Павла I, царица скончалась...

Однако семейная жизнь у второго наследника сложилась ещё хуже, чем у первого. Он унижал, оскорблял и даже бил свою юную супругу, и та, кое-как прожив с ним три года, сумела-таки сбежать в Швейцарию. (Детей у них, к счастью, не было.) А Константин мигом нашёл себе любовницу...

9

В начале января 1825 года штабс-капитан Вятского пехотного полка, квартирующего под г. Тульчином, Аркадий Майборода был командирован полковником Павлом Пестелем в Москву с заданием получить припасы и деньги. Полгода назад его приняли в «Южное общество», вопреки тому, что за капитаном ползла весьма дурная молва.

Он был нечист на руку, обирая не только солдат, но и полковую казну. Пестель не мог не знать об этом, и очень странно, что именно этому пройдохе он поручил столь важное дело...

А со временем стало известно, что к концу текущего года глава «Южного общества» предполагал начать вооружённое восстание, без промедления идти походным маршем на Санкт-Петербург, истребить там всю царскую семью и создать из Российской империи республику. И для этой дерзкой, сумасбродной затеи были нужны запасы продовольствия и деньги. Немалые.

Причём фураж и пропитание для солдат должны находиться в тех местах, через которые будут двигаться повстанцы. Городок Туль-

чин, где квартировал Вятский полк, расположен в Винницкой области Украины. От него до Петербурга (по прямой) более тысячи двухсот вёрст!

При самом ускоренном марше вначале нужно идти до Киева, потом до Чернигова и далее путь лежит на Смоленск, Псков и Новгород, ежели миновать Москву. Тем самым весь поход удлинится ещё вёрст на двести, а солдаты не смогут одолеть больше тридцати-сорока вёрст в день при условии сносной погоды...

И вся мятежная экспедиция, с учётом того, что солдатам и лошадям необходимо отдыхать, растянется почти на два месяца. А в любых городах и сёлах повстанцев вряд ли станут встречать криками «ура» и обильными столами. Наверняка на всём пути их будут ждать крепкие засады, хорошо вооружённые гарнизоны и даже пушки...

Думал ли об этом отчаянный полковник? Никто не знает. Но получив в Москве деньги — шесть тысяч рублей (огромная сумма по тому времени), капитан Майборода их лихо прикарманил. Что с ними случилось потом — проиграл в карты, прокутил или надёжно «заховал» — тоже неизвестно. А фураж и пропитание?..

Москва — далеко, и оборотистый, бесстыжий капитан, вернувшись в полк, уверил полковника, что всё заготовлено как должно и будет ждать своего часа. Относительно же денег — пришлось упасть начальнику в ноги и слёзно, чистосердечно покаяться...

Как ни странно — Пестель раскаяние принял. Больше того, упросил своих ближайших подчинённых — майоров, капитанов, поручиков и подпоручиков — всего десять офицеров — подписать акт о получении денег. Те согласились. (Не исключено, что он пожертвовал и собственным жалованьем.) Ещё одна загадка: закрыв глаза на подлый проступок негодяя-капитана, он вынуждает других офицеров участвовать в откровенном подлоге! И невольно думаешь: неужели ими двигало желание угодить главе будущей власти? Ведь они — члены «Южного общества», а Пестель готовился брать столицу...

Аркадий Майборода родился и вырос в небогатой семье малороссийских православных дворян Кременчугского уезда Полтавской губернии. Когда началась Отечественная война

1812 г., ему исполнилось четырнадцать лет, и в ней он, конечно, не участвовал, но смог поступить на службу в егерский полк.

А война, начавшись в России, продолжалась уже за её пределами, и юный Майборода стал прапорщиком, затем подпоручиком, однако в заграничные походы его не брали. Но военная карьера шла своим чередом. Из егерского полка он сумел перейти в гвардейский, где стал штабс-капитаном. А вскоре, в 1822 г., был принят на службу в Вятский пехотный полк, под начало полковника Пестеля. Успел жениться и обзавестись семьёй...

И вот теперь, после всех мерзких, грабительских проделок, ему нужно было искать спасительный выход. Между тем в полку появился генерал С. Волконский. Он прибыл в Тульчин не столько по делам службы, а как важный член «Южного общества». И встречи его с полковником носили сугубо тайный, закрытый характер. И Майборода не мог не знать об этом...

10

В начале сентября 1825 года из хмурого, промозглого Санкт-Петербурга Александр I отправился на юг России. Отнюдь не для того, чтобы всласть насладиться ласковым южным солнцем. Поездка намечалась для поправки здоровья царицы. Бедняжку, видимо, мучила чахотка, и врачи, как это было принято, советовали ей отправиться «на тёплые воды». Семь же лет назад, проездом, царь посетил городок Таганрог, и он ему очень приглянулся.

Теперь, через две недели, он прибыл туда и занял просторный особняк местного градоначальника П. Папкова. Для небольшого заштатного городка неожиданный приезд императора стал праздничным событием, тем более что он намеревался остаться здесь до зимних холодов. А несколько дней спустя, узнав о прибытии важного гостя, сюда приехал губернатор Новороссии граф М. С. Воронцов. И стал просить царя заодно посетить и Крым.

Пока Александр не дал ему согласия. Минуло чуть больше недели, и к дому городничего вновь подкатила кавалькада карет. Местные обыватели гадали — кто бы это мог быть? У

фасада одноэтажного большого дома стояла тесная шеренга генералов и высших чиновников. А впереди — сам император.

Из роскошной кареты, бережно поддерживаемая под руки двумя камер-лакеями, в закрытом дорожном платье и капоре с просторными полями, спустилась супруга государя — Елизавета Алексеевна (Луиза Мария Августа). «Ограниченная, лживая, капризная, злая, чахоточная», — так писал о ней Л. Толстой. Генералы и вельможи, кроме царя, почтительно склонили головы.

Они знали о непростых отношениях, сложившихся в державной семье. И многолетняя любовница монарха — бывшая обер-фрейлина, красавица Мария Нарышкина была известна большинству. Однако Александр расстался с ней навсегда и ныне жаждал загладить все обиды и неприятности, нередко возникавшие между ним и женой...

Супруги провели в мире и согласии почти месяц. Посетили тихий Александро-Невский монастырь, гуляли в тени здешнего городского сада и сада супругов Мартос, разбитого напротив дома городничего, что несказанно умиляло его хозяев и досужих горожан, исподтишка, будто бы невзначай подсматривавших за царской четой. Казалось, что все дразги и попреки остались позади, а впереди — достойная, безгрешная, размеренная жизнь...

Но спустя две недели император вдруг решил побывать в Крыму. Его неуёмная, скитальческая натура не выносила покоя и ожидания. Недаром Пушкин писал о нём: «Всю жизнь провёл в дороге». Вместе с близким окружением царь отправился в нелёгкий путь. Через Перекопский перешеек они добрались до Симферополя. Отдохнули там несколько дней, и Александр решил объехать все примечательные места благодатного края...

В сопровождении давнего адъютанта И. Дибича он верхом отправился в необычный путь, а карета с личным врачом неотступно следовала за ними. Царь повидал живописный Гурзуф, переночевал в шикарном доме герцога Ришелье, купленном графом Воронцовым (пять лет назад здесь бывал А. Пушкин в своей первой ссылке).

Затем посетил Никитский ботанический сад, Ореанду, Кореиз, Алупку (у подножия не-

забываемого Ай-Петри), следом были Байдары, Балаклава (в ней он навестил расквартированный греческий батальон, у комбата позавтракал экзотической крылатой рыбой, потом сел в коляску и поехал в Георгиевский монастырь). Но по дороге пересел на лошадь, не желая надевать шинель. И в одном мундире, несмотря на холодный, насквозь пронизывающий ветер, отправился вверх по горной дороге...

Потом последовал Севастополь, куда монарх прибыл вечером и провёл осмотр морских полков при свете факелов, а утром наблюдал за спуском на воду корабля и посетил лазарет, затем позавтракал с офицерами. Далее были Евпатория и Бахчисарай. Словом, он объехал почти всё южное побережье...

11

А в столице после отъезда государя жизнь продолжалась как обычно. Утром 10 сентября 1825 г. на северной окраине Петербурга, в Лесном парке, флигель-адъютант царя граф Владимир Новосильцев сошёлся в поединке с поручиком лейб-гвардии Семёновского полка Константином Черновым. Отставной подпоручик Кондратий Рылеев был одним из секундантов Чернова.

Два года назад А. Пушкин начал работать над «Евгением Онегиным». Знаменитая сцена дуэли Онегина и Ленского, скорее всего, ещё не была написана, и кто знает — возможно, тот роковой поединок, после которого скончались оба противника, кое-что подсказал поэту...

Хотя причина или повод к трагедии казался до банальности знакомым: 25-летний адъютант императора без памяти влюбился в очаровательную 16-летнюю сестру поручика и сделал ей предложение, та его охотно приняла. А мать жениха (из рода графов Орловых) полагала, что предстоящий брак чересчур унизителен для блистательного, знатного отпрыска. Его избранница происходила из семьи обычных провинциальных дворян, и её единственный сын, так думала графиня, достоин лучшей партии. Помолвка не состоялась...

Но старший брат девушки и его ближайший приятель К. Рылеев (оба были членами «Северного общества») восприняли отказ как постыд-

ное унижение, как глумление над искренними, чистыми чувствами юной девушки. А это, как тогда было принято, требовало сатисфакции, то есть удовлетворения.

В шестой главе «Евгения Онегина» Пушкин писал:

*То был приятный, благородный,
Короткий вызов иль картель.
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.*

В истории Чернова и Новосильцева письменного вызова на поединок наверняка не было. Но молодые офицеры, как и литературные герои, были друзьями. А тогдашнее время и сумасбродная мода, к сожалению, довольно часто, но по разным причинам, разводила бывших друзей по разные стороны смертельного барьера.

Они не могли, словно простые, задиристые парни, сойтись в кулачном бою! Надлежало следовать чёткому, размеренному ритуалу со свидетелями, исход которого определял многое...

*...Но что бы ни было, читатель,
Увы! Любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель
Убит приятельской рукой!*

И тому были свидетели, то есть секунданты. В случае с Онегиным и Ленским поэт ярко и красочно описал одного из них — общего соседа двух друзей, которого знали как: «Зарецкий, некогда буйан, картёжной шайки атаман». Именно он вручил Онегину «картель», то есть вызов на поединок. И тот, словно юный пионер, ответил — «что он всегда готов».

Но в случае с Новосильцевым и Черновым секундантов было четверо — по двое с каждой стороны. Вместе с Рылеевым стоял подпрапорщик Шипов, тоже член «Северного общества». А Новосильцева сопровождали полковник Герман и ротмистр Реад. Замечаете разницу?

*...Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развёл по крайний след,
И каждый взял свой пистолет.*

Потом по сигналу секунданта Ленский и Онегин стали сходить, делая по четыре шага каждый...

*Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставаая наступать,
Стал первый тихо подымать.*

Потом они сделали ещё по пять шагов, и Онегин выстрелил: «Пробили часы урочные: поэт роняет молча пистолет». А значит — роковая дистанция составляла четырнадцать шагов...

Но в поединке Чернова и Новосильцева она имела их всего лишь восемь. И неспроста — значит, оба противника никак не желали благополучного финала. (А в дуэли Пушкина с Дантесом дистанция составляла двадцать шагов и барьер стоял на десяти шагах.) Перед дуэлью Чернов оставил записку: «Пусть паду я, но пусть падёт и он, в пример жалким гордецам, чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души». Ну что тут скажешь? Возвышенно. Гордо. Непреклонно...

И в роковом поединке погибли оба. Новосильцев был ранен в печень и умер через четыре дня. А Чернов, получив пулю в голову, скончался спустя две недели. Его незабываемые похороны стараниями тайного «Северного общества» превратились в политическую демонстрацию. Первую в России...

12

Государь возвратился в Таганрог в начале ноября, чувствуя себя не вполне здоровым. Для него самого, его личного врача Я. Виллие и ближнего окружения это недомогание явилось неожиданным и беспокойным событием. Всю жизнь он не страдал никакими хворями, кроме глухоты на левое ухо — результат каприза его отца — Павла I.

Приучая старших сыновей — Александра и Константина — к орудийной пальбе, он ставил их подле пушки, и те подносили к запалу горящий фитиль. Гремел оглушительный выстрел... А следствием сделалось то, что ближайший наследник стал тугоухим.

Но теперь случилось нечто серьёзное: обесиленный, занемогший царь был вынужден слечь в постель. Дурное ли питание, случайная простуда или кошмарная зараза? Ведь государь изъездил почти весь Крым и подчас пил и закусывал в самых неожиданных местах...

В Петербург и Варшаву были срочно отправлены бюллетени о здоровье императора. Но пару дней спустя монарху полегчало. А в это время в Таганрог прибыл начальник южных поселений граф Витт с доносом на тайное «Южное общество», написанным штабс-капитаном А. Майбородой. И это был не первый тревожный сигнал о существовании подобных сборищ.

Несколько лет назад царю передали донос библиотекаря Гвардейского Генерального штаба М. Грибовского о деятельности «Союза благоденствия». Александр внимательно прочёл его, вздохнул и сказал: «Не мне их судить!»

Примечательные слова. И многие восприняли их однозначно: государь, повинный (прямо или косвенно) в позорной гибели своего отца — не хочет поднимать ненужный шум. Суд и наказание смутьянов вряд ли будут тайными, скрытыми от любых ушей и глаз. Зачем ему всё это? А в доносе Майбороды значилось:

«Ваше Императорское Величество. Всемиловитивейший Государь!

С лишком уже год, как я заметил в полковом моём командире полковнике Пестеле наклонность к нарушению всеобщего спокойствия. Я понимаю в полной мере сию важность, равно как и Гибельные последствия (*орфография доносителя*), могущие произойти от сего заблуждения и т.п.». Далее штабс-капитан, туманно и велеречиво, сообщает великодержавному адресату, что на юге России давно обособилось «огромное скопище, имеющее целью преобразование, донныне в нашем отечестве неслыханное».

Затем, кроме Пестеля, в доносе фигурируют и другие лица: «Я укажу место хранящее приготовленные (*орфография автора*) уже как-ието законы под названием русская правда, и много других им подобных сочинений, составлением коих занимаются тут Генерал Интендант Юшневский и Полковник Пестель, а в Петербурге служащий в генеральном штабе

никита Муравьёв». («Беспокойный Никита» — как писал А. Пушкин.)

Это оказалось слишком серьёзно. Генерал, сотрудник Генерального штаба, полковник и «огромное скопище» их сообщников — было от чего потерять самообладание. Выслушав доклад графа Витта, царь, недолго думая, повелел начать расследование. И выявить всех участников будущего мятежа. Тут не могло быть сомнений и угрызений совести — государь готов осудить всех!

10 ноября 1825 г. появился приказ об аресте всех членов тайных обществ. Но четыре дня спустя Александр вдруг потерял сознание. Он в беспамятстве метался на постели, бессвязно восклицая: «Чудовища! Неблагодарные!» Потом впал в летаргический сон, следом начались конвульсии и агония. А 19 ноября (по старому стилю) в 11 часов утра император скончался...

13

*Клянёмся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!*

Эти клятвенные строки якобы написаны рукой Вильгельма Кюхельбекера, лицейского друга Пушкина, которого шуточно называли Кюхлей. (Но кто-то считал, что их автором был К. Рылеев.) Бывший лицеист состоял в «Северном обществе» со дня основания, и теперь вместе с Рылеевым и сотнями других он участвовал в захоронении двадцатилетнего поручика Константина Чернова.

Это произошло на скромном Смоленском кладбище Васильевского острова Петербурга, в субботу, 26 сентября 1825 года... И ничего подобного не только кладбищенские служители, сама столица и все жители Российской империи никогда не видели воочию. Сотни карет с четверками лошадей, тьма-тьмущая дрожек, полтысячи пеших офицеров, рота солдат, полсотня факельщиков с горящими факелами...

Уже смеркалось, и мятущееся оранжевое пламя выхватывало из полутьмы хмурые, сумрачные лица. Стороннему свидетелю могло показаться, что он наблюдает не просто по-

хороны, а какую-то всеобщую глубочайшую скорбь по безвременной утрате выдающегося деятеля отечественной культуры или прославленного национального героя. Столь согласная, безграничная горесть витала над тысячью бредущих в немой печали людей...

И Рылеев с Кюхельбекером, шагая в густой, безмолвной толпе, тоже видели всё это и наверняка испытывали удовлетворение. А вместе с ними шли почти все участники «Северного общества», однако на многих лицах вовсе не было удручающего уныния. Скорей, наоборот...

Известный литератор Бестужев (Марлинский) гордо твердил Батенькову: «Это демократическое торжество!» Тот молча кивал. «Напрасно полагают, будто у нас нет общего мнения! Вот оно!» — не умолкал уважаемый писатель. В этом, едва ли стихийном, внезапном порыве сотен людей, пришедших сюда только затем, чтобы почтить скорбную память отважного поручика, отдавшего молодую жизнь за честь своей юной, невинной сестры — он видел щедрые победы славного будущего России...

Другой член «Северного общества» Е. Оболенский (один из будущих руководителей декабрьского восстания) тоже заметил: «Всё, что мыслило, чувствовало, соединилось здесь в безмолвной процессии и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал сознательно и бессознательно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого». Вот так. И неважно, что в этом жестоком поединке погибли оба.

Смерть одного была горькой утратой униженных, другого — грозным, роковым предостережением всем его собратьям. Вельможам и природным аристократам...

*И прах твой будет в посмеянье,
И гроб твой будет в стыд и срам.
Клянёмся дочерям и сестрам:
Смерть, гибель, кровь за поруганье!*

Все эти уничижительные, грозные попреки звучали в адрес покойного Владимира Новосильцева, внука графа Владимира Орлова. Но мало кто из провожающих знал, какого рода был несчастный дуэлянт. Один из прадедов

Новосильцева — Григорий Орлов — происходил из простых стрельцов и стал участником знаменитого стрелецкого бунта конца семнадцатого века, жестоко подавленного Петром Великим. Тогда последовали казни, в которых погибла не одна сотня мятежников. И юного Гришку Орлова плаха не минула. В Москве на Красной площади, на лобном месте водрузили дубовую колоду, на которой отсекали головы бунтарям. И вот настал черёд Орлова. Оттеснив подельников палача, pinkом откинув голову предыдущего страдальца, он перекрестился и положил свою. Увидев лихую браваду молодого стрельца, царь крикнул:

— Этого не трогать!..

Отчаянного храбреца поставили на ноги и увели. Пётр сделал из него знаменосца Семёновского полка. Потом Григорий женился, произвёл на свет пятерых сыновей, и старший из них — тоже Григорий, посадив на престол Екатерину II и став её любовником, удостоился, вместе с братьями, титула графа. Младший из них — Владимир — дед несчастного дуэлянта. Значит, потомственным аристократом его внук, тоже Владимир, не являлся.

А погребли его тихо и незаметно. Безутешная мать перевезла тело сына в Москву и захоронила его на погосте Новоспасского монастыря, возведя на его могиле церковь. И никаких демонстраций при этом не произошло. А те, кто в ней недавно участвовал, на самом деле присутствовали на репетиции грядущего дерзкого восстания, сами того не подозревая. Как и предполагал Е. Оболенский — «здесь соединились все, кто сознательно, кто бессознательно выразил собою общую идею». А какова она — эта идея, об этом знали немногие...

14

Однако скоропостижная кончина императора, как ни странно, расстроила все планы революционеров. Один из руководителей «Южного общества» М. Бестужев-Рюмин вынашивал благодушные планы: «Наша революция будет подобна революции испанской (1820 г.) и не будет стоять ни одной капли крови, ибо произведётся одной армией, без участия народа». Но каким же образом всё случится?..

Очень просто: в августе 1826 года Александр должен будет принимать военный парад. И во время этого парада, как рисовал Бестужев, «решится судьба деспотизма, тогда ненавистный тиран падёт под нашими ударами; мы поднимем знамя свободы и пойдём на Москву, провозглашая конституцию». А конституция, по уверению И. Горбачевского, «получившая одобрение многих знаменитых публицистов — английских, французских и германских — принята была единодушно членами «Южного общества».

Тем не менее большинство членов тайного общества усомнилось в успехе будущего ошеломляющего предприятия. Вдруг их никто не поддержит? И хватит ли у них сил для всего этого?

— Для приобретения свободы, — вскричал Бестужев (писал И. Горбачевский), — не нужно никаких сект, никаких правил, никакого принуждения, — нужен один энтузиазм. Энтузиазм, — продолжал он в исступлении, — пигмеем делает гигантом, он разрушает всё, и он создаёт новое!..

До боли знакомые слова, не так ли? «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...» (Ну, и далее.) И вдруг «ненавистный тиран» уходит из жизни сам, безо всяких героических, самоотверженных жертв. Что делать? Как быть?

В растерянности пребывали не только будущие декабристы, в самых верхах тогдашней власти царило смятение и полное расстройство...

Согласно указу сумасбродного монарха Павла I власть должна перейти ко второму наследнику — Константину (ведь Александр не имел сыновей). Но Константин (будучи наместником Царства Польского) проживал в Варшаве и женился на польской графине. *C'est nonsense!* Его старший брат в 1823 году написал завещание, и кому он передавал престол — известно было немногим.

Казалось бы, всё должно произойти безболезненно и в срок — согласно воле почившего императора. Но известие о его смерти пришло в Петербург неделю спустя, когда в Александро-Невском соборе шёл молебен «За здравие императора». Вот это и вправду нонсенс! Однако присутствовавший на службе

царевич Николай мигом нашёлся и тут же, присягнув второму брату — Константину, отдал приказ приводить к присяге войска...

Но в этот же день собрались члены Государственного совета и вскрыли Манифест от 1823 года, а в нём значилось, что вся власть переходит к третьему наследнику — Николаю. И вместо того чтобы подчиниться воле усопшего императора, тот решительно воспротивился. А для «спокойствия государства» призвал Совет, Сенат и Синод «принести присягу Константину I». Все подчинились...

Три дня спустя Константину присягнули дворяне Москвы, а в Петербурге присягу отложили на две недели...

15

Чрезвычайно странная ситуация, не правда ли? Почему Николай отказался занять престол? То ли не хотел обидеть брата, старшего по рождению, то ли опасался принять на себя все заботы и тяготы по управлению огромным государством? Но самое интересное: о завещании он, оказывается, знал! Сам Александр несколько лет назад сообщил ему, что Константин ни под каким видом не пожелал наследовать трон. Что было тому причиной — неизвестно...

Однако же это известие отнюдь не привело в восторг третьего сына Павла. Больше того, в своих записках годы спустя Николай искренне делится тревогами, которые он переживал, услышав эту новость. До того времени ему казалось, что он «идёт по дороге, усеянной цветами, и вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться». Ничего себе! В подобной ситуации любого неудачника можно пожалеть или хотя бы посочувствовать несчастному...

А в Северной столице — Санкт-Петербурге — началось брожение. Подобное на Руси происходило не однажды: после кончины Бориса Годунова, смерти Петра Великого, его жены Екатерины I, племянницы Петра Анны Иоанновны... Но никогда не случалось столь долгого периода безвластия. И этим было грех не воспользоваться, вот только кому?

Все власть предрежающие — не один Николай, но и его ближайшая свита, то ли по недомыслию, то ли от испуга, никак не решались занять чёткую, ответственную позицию: поддержать нового кандидата на престол или открыто ему препятствовать. Константин категорически отказался прибыть в Санкт-Петербург и своё отречение подтвердил в письме к Николаю и к председателю Государственного совета.

Но тянуть время стало чересчур опасно. И вечером 12 декабря М. М. Сперанским был составлен «Манифест о восшествии на престол императора Николая I». А новый царь утром следующего дня зачитал его на заседании Государственного совета. И присяга ему была назначена на 14 декабря...

Как ни странно, но и желавшие непременно свергнуть эту власть тоже почему-то не спешили. Хотя вся обстановка казалась вполне благоприятной. Оставалось только гадать — возможно, у них не хватало сил или не было продуманного, безупречного плана?

Однако всё дело, как ни странно, таилось в распределении ролей — кандидатов на главу мятежа намечалось несколько: полковник С. Трубецкой, поручик Е. Оболенский, подпоручик К. Рылеев. Будучи военными людьми, они, вольно или невольно, преклонялись перед чинами и званиями.

И С. Трубецкой, как видно, более всех соответствовал этому назначению. К тому же он в своё время возглавлял «Союз спасения», потом «Союз благоденствия» и стал одним из основателей «Северного общества». Теперь хочешь не хочешь, но полковнику пришлось возглавить мятеж, поскольку он был избран диктатором...

Вечером 12 декабря на квартире у К. Рылеева (он занимал целый этаж в Российско-американской компании, которой управлял граф Н. Мордвинов — бывший морской министр) собрались все главные руководители восстания. По всей вероятности, продуманного и чёткого плана у них не было, но терять благодатное время безвластия казалось недопустимым. Пришлось делать всё с ходу и наобум, а там — как получится!..

С. Трубецкой, которого поддержали К. Рылеев и Г. Батеньков, предложил воспользо-

ваться неурядицей, царившей в верхах. Если сам Николай и его окружение упорно ратовали за избрание Константина — пусть так и будет. В назначенный день к зданию Сената отправится полк солдат, готовых ему присягнуть, по пути с ними сольются другие, а там все дружно откажутся от присяги Николаю!..

Верховная власть окажется в полной растерянности, и можно будет диктовать ей свои условия. Но приблизительного плана организаторам мятежа показалось недостаточно. Решили собраться ещё раз, уже на квартире князя Оболенского, чтобы решить судьбу Николая. Как поступить с ним после победы восстания? Оставить в живых или... На его кончине настаивали А. Бестужев и Е. Оболенский. Глава восстания С. Трубецкой вначале колебался, потом согласился. А на следующий день должно было состояться и главное событие...

16

Император Николай I (в державной форме и с голубой лентой через плечо), наставив указательный палец против лба полковника, гневно воскликнул:

«Что было в этой голове, когда вы с вашим именем, с вашей фамилией вошли в такое дело! Гвардии полковник! Князь Трубецкой!.. Как вам не стыдно быть вместе с этой дрянью? Ваша участь будет ужасной...» (С. П. Трубецкой «Записки».)

Это происходило в Зимнем дворце, в кабинете императора, куда ранним утром 15 декабря привезли С. Трубецкого. (Он находился у тётки.) Сам же Николай стал законным государем сутки назад, утром понедельника 14 декабря 1825 года. В здании Сената ему присягнули Государственный совет и члены Сената.

За окнами стояла ночь... И почти до полудня ничто не предвещало той поистине кошмарной трагедии, которая в будущем войдёт не только в стихи, песни, драмы, кинофильмы, учебники истории, но и станет наглядным уроком для будущих бунтарей-революционеров. «Но дело их не умрёт!» — провозглашал будущий вождь мирового пролетариата...

А сами участники мятежа стали подтягиваться на Дворцовую площадь к 11 часам утра. Вначале подошёл Московский лейб-гвардейский

полк в числе 800 солдат. К нему присоединились части 2-го батальона Гренадёрского полка и матросы Гвардейского морского экипажа. Все вместе представляли собою силу примерно в две с половиной тысячи человек...

И на площади появились уличные зеваки, чего раньше почти не случалось. Ведь до сего времени петербуржцы ничего подобного не видели. Конечно, были и плац-парады, и демонстрации, ими до одури увлекался покойный император Павел, только это происходило в летнее время... Но чтобы зимой, в холодный, промозглый день на главной площади столицы, подле памятника её славному основателю выстроилось угрюмое, безупречное, безмолвное каре из сотен военнослужащих в парадных мундирах — такое случилось впервые!

И самое интригующее — солдаты и матросы, замершие в суровом строю, казалось, бросали грозный, неумолимый вызов верховным властям, являя собой неустрашимый, доселе небывалый, самоотверженный протест. И власти, наконец, заметили это. В Сенате и Зимнем дворце началась паника.

Будущий же диктатор, князь Трубецкой, должный возглавить это показное возмущение и повести всех бунтовщиков за собой, по слухам, находился в Главном штабе, иногда появляясь наружу. Не привлекая к себе внимания, он издали поглядывал на каре смутьянов, а потом отправился в гости к теще...

Зеваки, стекающиеся на площадь и тут же сгрудившиеся в тесные кучки, не смотрели по сторонам. Всё их внимание сосредоточилось на молчаливых солдатах, стоявших по стойке «мирно». И это стояние казалось неспроста — даже у самого жалкого бродяги и отпетого прощелыги на языке вертелся вопрос: чего они ждут? Или кого?..

Но час спустя большинство всё-таки смекнуло: это безмолвное, отчаянное выжидание вокруг знаменитого памятника царю Петру, отважно сидящему на вздыбленном жеребце — было дерзким, непримиримым вызовом новому монарху. Сможет, наберётся сил и отважится ли он ответить на него?

А второй глава мятежа — К. Рылеев, по всей видимости, тоже пребывал невдалеке. Во всяком случае об этом есть заметки многих участников. Вот только где он был и чем занимался?

Кто-то утверждал, будто вдохновитель мятежа безуспешно искал Трубецкого, а другие сообщали, что у бедного поэта мучительно болело горло и ему пришлось остаться в апартаментах Российско-американской компании...

Так это произошло или нет — сказать наверняка уже невозможно. Хотя находятся и категоричные, и хитроумные головы, которые утверждают: и Трубецкой, и Рылеев — жалкие предатели и трусы либо изощрённые негодяи, изначально планировавшие «подставить» властям отважных, героических бунтарей, будто бы желавших блага своему Отечеству! Но вряд ли так было на самом деле, хотя всё произошедшее не говорило об обратном...

Солдаты и матросы не должны были часами выстаивать на Сенатской площади, ожидая «незнамо чего». Совсем наоборот: ведомые капитаном Нижегородского драгунского полка А. Якубовичем, они обязаны были взять штурмом Зимний дворец. А поручик П. Каховский намеревался пробраться внутрь и убить новоявленного царя. Но этого, как известно, не случилось...

И после нескольких часов мучительного и тяжкого ожидания император Николай I и его ближайшее окружение всё-таки отважились ответить на небывалый вызов. К мятежникам отправился прославленный боевой генерал Михаил Милорадович, явивший свою безграничную отвагу в Отечественную войну 1812 года, а ныне бывший генерал-губернатором Северной столицы...

Его искренне, бесконечно уважали все солдаты, знавшие и видевшие генерала в кавалерийских атаках, когда он на полном скаку врвался в ряды французских драгун и яростно крушил их палашом... И вот он, в шинели нараспашку и парадном мундире, с орденами, аксельбантами и эполетами, верхом на чистокровном, лихом жеребце неспешно приблизился к передовой шеренге угрюмого каре...

Унасквозь промёрзших солдат в глазах неожиданно засветился интерес, а лица у некоторых даже тронула улыбка. Ну ещё бы! Многие впервые увидели прославленного генерала так близко и невольно оживились. А для вынужденных предводителей бунтовщиков — Е. Оболенского, А. Якубовича и П. Каховского это стало тревожным сигналом.

— Служивые! — обратился к солдатам генерал. — Я понимаю вас! И разделяю ваше недовольство... — он ткнул себя рукою в грудь. — Я сам хотел исполнить присягу наследнику Константину... — генерал вздохнул. — Но долг и Родина призывают...

И тут из рядов мятежников вышел гвардейский поручик Е. Оболенский, возглавивший восставших вместо неявившихся С. Трубецкого и К. Рылеева. Он дал знак славному генералу прервать речь, но тот и не подумал.

— Солдаты! — продолжал Милорадович. — Оставьте...

Оболенский выхватил у правофлангового ружьё с примкнутым штыком и ударил генерала в левый бок. Тот сидел довольно высоко на статном жеребце, и трёхгранный штык пробил ему шинель и мундир, но не вошёл глубоко в тело, и Милорадович смог удержаться в седле. Из толпы зевак, шпалерами стоящих на площади, раздались сочувствующие вопли. Все явно жалели знаменитого генерала, получившего подлый, предательский удар. А на подмогу к Оболенскому бросился П. Каховский с пистолетом в руке. Прозвучал выстрел. Отважный генерал был смертельно ранен в спину...

17

Ну а дальнейшие события многим известны. Окружённые кольцом царскими войсками, вчетверо превосходящими число бунтарей, повстанцы были обречены. Началось ожесточённое противоборство. Оно растянулось на несколько часов, вплоть до темноты. И с обеих сторон звучали выстрелы...

Дважды окруженным удалось отбить атаку конногвардейцев под командой генерала А. Ф. Орлова (брата М. Ф. Орлова, предлагавшего заговорщикам печатать фальшивые ассигнации). Царь Николай и его младший брат Михаил по мере сил пытались возглавить верные себе войска и одержать верх над смутьянами, затем в затянувшуюся перепалку вступила артиллерия...

Вначале над головами бунтарей прогремел холостой залп — они ответили на него дружным ружейным огнём. Но следом загрохотала беспощадная, прямая картечь, и в рядах крамольников появились раненые и убитые. И тут

страх одолел даже самых отчаянных, безрассудных смельчаков. Побросав ружья, все кинулись врассыпную на близкую Неву, сплошь одетую льдом...

Кто-то пытался перебежать на Васильевский остров. Вслед им гремели выстрелы карателей, и на льдистый саван реки валились десятки трупов. Всех жертв — солдат с той и другой стороны — пало около сотни человек. А вместе со случайными жертвами погибших насчитали до двух сотен.

И с раннего утра следующего дня начался поиск и задержание всех явных и тайных участников неудавшегося переворота. Было схвачено и арестовано более тысячи мятежников. Главных из них заточили в Петропавловскую крепость. Затем начались долгие, изнурительные допросы и суд. Наиболее активных и деятельных руководителей приговорили к смертной казни.

П. Пестель, К. Рылеев, М. Бестужев-Рюмин, С. Муравьёв-Апостол, П. Каховский были повешены. Кстати, П. Пестеля арестовали одним из первых, ещё до начала декабрьского восстания. Его доставили в столицу накануне. (Доносы А. Майбороды и Шервуда оказались кстати.) А Муравьёв-Апостол и Бестужев-Рюмин, поднявшие восстание в Черниговском полку, спустя две недели после трагических событий в Петербурге и захватившие вначале г. Васильков, под Белой Церковью были окружены и взяты в плен. На что они надеялись и чего ждали от своего романтического порыва — трудно сказать.

Известно, что десятки заговорщиков отказались от участия в восстании. А кто-то мигом отрёкся от своих взглядов и намерений. Понять и объяснить поступки некоторых теперь не под силу даже профессиональным историкам. Почему С. Трубецкой не возглавил бунтарей? (Это стоило ему сибирской ссылки.) А неявка К. Рылеева закончилась его позорной казнью...

Но с течением времени многое изменилось до неузнаваемости. Бывшие самоотверженные герои и несокрушимые патриоты неожиданно обратились в тайных осведомителей и коварных подстрекателей. А юные романтические бунтари, бездумно, отчаянно бросавшиеся на штыки под ружейные и орудийные залпы,

заполнили экраны телевизоров и кинотеатров...

И невольно думается — кто или что заставляло их безрассудно жертвовать своими молодыми жизнями? Во имя чего они, вопреки всем сомнениям, колебаниям и страхам, стремились уйти в небытие? Неужели им и вправду верилось, что с шумной кончиной гарантированы бессмертие и вечная слава?

Ещё в 1818 году девятнадцатилетний А. Пушкин в стихотворении «К Чаадаеву» писал:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!*

*Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!*

Из последних строк ясно: себя и своего героя, которого поэт в другом своём стихотворении именовал Брутом и Периклом (если бы тот жил в Древнем Риме или в античных Афинах), он представлял как прозорливых глаша-

таев будущей свободы, которая придёт после краха самодержавной власти. А имена их запишут на «обломках» былого, поверженного величия...

Но в декабрьском вооружённом восстании оба они участия не принимали. Пушкин, как мы знаем, прослышав о готовящихся событиях, оседлал коня и незаметно выбрался из своего имения Михайловское, однако при выезде (вот незадача!) дорогу ему перебежал заяц, и поэту... пришлось вернуться...

А Чаадаев, выйдя из «Союза благоденствия», совсем отошёл от тайных, заговорщицких сходок и прожектов. И годы спустя с горечью признавал: «Восстание декабристов отодвинуло нацию на полвека назад». Прискорбно, но, вероятно, так оно и было... Во всяком случае — поражение в Крымской войне 1853–1856 годов от объединённых войск Англии, Франции и Турции стало для России роковым, тяжким ударом. И государь Николай I, этот неуёмный «душитель свободы», скоростижно умер, не дождавшись её окончания. (Были слухи, что он намеренно лишил себя жизни.)

Кто знает...

Владимир Демьянович ВАСИЛИНЕНКО

родился в 1942 году в г. Иркутске.

Член Союза кинематографистов России, лауреат и призёр
всесоюзных, всероссийских и международных кинофестивалей.

Лауреат Национальной премии за сериал об амурском тигре.

Член Союза писателей России. Лауреат Международного
литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце».

Живёт в г. Хабаровске.

